

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р65

Оформление серии *С. Груздева*

Издание осуществлено при содействии
литературного агента *Н. Я. Заблоцкиса*

Рой, Олег.

Р65 Страх [В 2 кн.]. Книга первая. И небеса пронзит комета / Олег Рой. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 352 с. —(Мистика судьбы. Проза О. Роя).

ISBN 978-5-699-87928-1

Феликс Зарянич, молодой талантливый ученый, введен своим научным руководителем, блестящим Алексом Кмоторовичем, не только в научный круг, но и в семейный. Такое доверие дорогого стоит! И поэтому Феликс бросается в решение генетических проблем с головой. И получается, что весьма своевременно: после падения кометы женщины утрачивают способность к деторождению. Это грозит исчезновением человечества. Страх буквально разливается в воздухе. Но пока Феликс пытается понять причины катаклизма, ученые-конкуренты предлагают женщинам специальные аппараты для вынашивания потомства, которое можно модифицировать... из руки или ноги матери. Вот уже и дочь Алекса, Вера, нацепила на себя этот агрегат.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-87928-1

© Резепкин О., 2016
© Оформление. 000 «Издательство «Э», 2016

*Памяти моего сына Женечки
посвящается*

Автор выражает
свою глубочайшую признательность
уже, к сожалению, ушедшим от нас
Аркадию и Борису Стругацким,
Джону Уиндему
и Роберту Хайнлайну.

В ответы не втиснуты
Судьбы и слезы.
В вопросе — и истина.

Андрей Вознесенский

Глава 1

Юбилей

*02.09.2042. Город.
Дом Анны. Феликс*

Ненавижу галстуки.

Любые. От всей души. Кто-то когда-то придумал, что это элегантно, и теперь изволь терпеть на своем горле хватку чьей-то безжалостной клешни, обманчиво-мягкой, но готовой в любой момент сжаться, перехватывая дыхание. Умом, конечно, понимаешь, что все это собственные тайные страхи и неумеренное воображение, но непроизвольно ждешь. Ждешь постоянно. А ожидание удушья, быть может, даже хуже, чем само удушье. Как минимум дольше, поэтому мучительнее.

В общем, терпеть не могу галстуки. А потому, кроме всего прочего, не умею их завязывать.

Вот и сейчас — стою возле старенького трехстворчатого зеркала (кажется, такие называют «трельяж») и пытаюсь превратить непослушную тряпку в полагающийся по протоколу узел. Ну никак он у меня не получается!

Точнее, получается, но какой-то убогий, кривобокий, страшненький. А мне нужен правильный, красивый! Потому что гал-

Олег Рой

стук при всей моей к нему ненависти — не простая деталь костюма, но деталь статусная, протокольная. Не тряпка, а символ уважения к хозяину торжества.

Да, торжества, присутствовать на котором немалая честь для меня. Александр Кмоторович (в обиходе просто Алекс) — мой научный руководитель, учитель и почти отец — празднует сегодня юбилей.

Мои родители погибли в гражданской войне. В той, отплавшей в начале двадцать первого века. Подробностей я не знаю: детдомовские воспитатели о той войне старались не упоминать, а если и говорили, то неохотно и скупно. Тогда локальные войны вспыхивали то тут, то там регулярно, практически непрерывно. Причем основная часть их пылала в Европе, перекраивая карту мира, рождая новые государства — вплоть до весьма экзотических самопровозглашенных анклавов — и их союзы. Сегодня все более-менее успокоилось, но вполне возможно, что тот огонь всего лишь ушел вглубь, как бывает при торфяном пожаре, а будущее готовит нам новые очаги.

Пока, впрочем, в Европе стоит тишина. Но разобраться в нынешней географии, а тем более в недавней истории очень трудно. Когда мне было лет двенадцать-четырнадцать, я перечитал все, что можно было найти, о том, казалось бы, очень близком времени, но так ничего и не понял. Каждый из аналитиков, что называется, тянул одеяло на себя, выбирая из обилия фактов те, что подкрепляли его собственную точку зрения, и интерпретируя их в соответствии с ней же. Историки противоречили друг другу

настолько, что выстроить правдоподобную «среднюю» картину — именно среднее обычно считается максимально близким к истине — мне так и не удалось.

В детском доме при монастыре Святого Стефана, куда я попал после гибели родителей, можно было получить довольно приличное образование. Предполагалось, что монастырь дает лишь начальное образование, но мне, можно сказать, «повезло». Я рос довольно болезненным ребенком, из-за слабых легких пневмонии были для меня столь же привычны, как для кого-то простуда, поэтому много времени приходилось проводить на больничной койке. А это значит в одиночестве. Строгий монастырский устав из всех доступных развлечений оставлял только одно — чтение. И я погружался в него с головой, буквально глотая книгу за книгой. Смешно сказать, о существовании телевизора я узнал только после того, как освоил компьютер.

Кроме истории — и значительно сильнее ее — меня влекли химия и биология. Когда в детдоме, несмотря на суровость монастырских правил, появился компьютерный класс, я, вместо того чтобы долбиться в какую-нибудь стрелялку, бродил по интерактивным библиотекам, попутно осваивая английский и русский. В конфедерации трех государств, где я жил и живу сейчас, говорили (и говорят) на причудливой смеси нескольких языков.

Жадно поглощая знания, я, естественно, наткнулся и на такую вещь, как учебные олимпиады. И довольно быстро добрался до университетских.

Олег Рой

Тогда-то меня и заметил профессор Кмоторович. Чаще, как я уже упоминал, его называли Алексом, но это звучало отнюдь не панибратски, а, напротив, уважительно и солидно. По-моему, Алекс — гений. И не просто гений, а из тех редких творцов, что опережают собственное время. Впрочем, все говорят, что я склонен переоценивать людей.

В шестнадцать лет мое счастье погружения в знания зашаталось, теряя почву. Перед носом неотвратимо замаячил выпуск. Об этом не говорят и не пишут, но совсем не случайно такое множество бывших воспитанников детских домов вскоре оказываются частью криминалитета. А как иначе? В шестнадцать лет тебя, совсем еще кутенка, вышвыривают в холод взрослого мира. Куда ты ткнешься? В детдоме жизнь тоже не сахар, но за его пределами молодому человеку — практически подростку — без родни, без поддержки, без основных социальных навыков (откуда им взяться) прямая дорога за черту закона. Ну да, выпускнику выдают на руки некоторую сумму. Считается, что ее должно хватить «на первое время». «Первое время», по теоретическим расчетам наших чиновников, — два месяца, по прошествии которых «кутенок» способен куда-нибудь приткнуться. Вот только те, кто производит эти самые теоретические расчеты, похоже, не имеют представления даже о том, сколько стоит снять хотя бы койку в углу двадцатиместной общежитской комнаты. К тому же «кутенку» нужно еще есть, пить и пользоваться общественным транспортом (а как еще искать работу?).

Мне, конечно, невероятно, фантастически повезло. Передо мной, как Альбус Дамблдор перед Томом Реддлом из старого фильма, возник Алекс. И началась волшебная биохимическая сказка. По его протекции («юноша, подающий большие надежды, практически вундеркинд») меня мгновенно взяли на подготовительные курсы университета с предоставлением льготного места в университетском кампусе.

— Не подведи, — сказал Алекс, прощаясь со мной на пороге новой моей жизни.

«Не подведи!» — эти два слова незримо пылали перед моим внутренним взором все шесть лет обучения.

Благодаря рекомендации «самого» Кмоторовича я параллельно с учебой на факультете биотехнологий получил возможность посещать дополнительно избранные лекции на химико-технологическом, фармацевтическом и медицинском факультетах. Даже расписание у меня было индивидуальным. Его присылали из ректората еженедельно на мою собственную электронную почту. Алекс при прощании подарил мне планшетный ноутбук, и я чувствовал себя богаче самого Креза. У моих сокурсников и соседей по кампусу всевозможные гаджеты водились в избытке, но это не вызывало никакой зависти. Мне было наплевать: они — это они, а я — это я. Это ощущение подпитывалось еще и тем, что моими соседями по коттеджу (кухня-гостиная, совмещенный санузел и три спальни-кабинета) были два парня из музыкальной академии, то есть из мира, беспредельно от меня далекого. Ко всему прочему, эти ребята, кажется, были парой.

Олег Рой

В общем, слушать их споры о музыке, театре и прочем искусстве было интересно — я всегда больше всего на свете любил узнавать что-то новое, — но не более того. Так что в университете я был достаточно далек от так называемой студенческой жизни и занимался исключительно наукой. Нередко такие «ботаники» становятся объектом общих насмешек, но обошлось. Ко мне обращались за помощью («если Феликс чего-то не знает, значит, этого вовсе не существует»), но в остальные моменты просто не замечали. Как будто я тень. И знаете, мне очень нравится быть тенью. Я даже выгляжу как призрак: высокий, худощавый, бледный (даже губы бледные), блеклые, почти «мышинные» темно-русые волосы и невыразительные светло-серые глаза...

Проклятый галстук! Завяжется он когда-нибудь или нет?!

И это при том, что с мелкой моторикой у меня вообще-то все в полном порядке — ни в химических, ни в биологических лабораториях без этого не управиться. Мирослав (один из моих университетских соседей-музыкантов) даже говорил, что у меня пальцы пианиста. Хотя, быть может, это была тонкая издевка: у какого пианиста на пальцах столько химических ожогов? Это потому, что я немного рассеян. Не настолько, чтобы сварить часы вместо яйца, но излишне задумчив — безусловно. Впрочем, Алекс утверждает, что рассеянность частая спутница одаренности.

Виделись мы с ним очень редко, хотя, планируя дипломную работу, я просил его стать моим научным руководителем. Сославшись на занятость, Алекс отказался (хотя тему работы

подсказал именно он). Но незадолго до защиты, ранним майским утром, лично появился вдруг у меня в кампусе и потащил в плавучее кафе на набережной. Когда мимо пролетал катер или гидроцикл, настил, на котором стояли столики, слегка покачивался.

Я пил свой любимый кофе глясе, Алекс прихлебывал из крошечной чашечки густой эспрессо.

— Ты, наверное, голодный? — скорее сообщил, чем спросил он, вытаскивая из кармана замшевый мешочек и доставая оттуда трубку. По-моему, такой мешочек называется «кисет» или как-то в этом роде (все-таки я удивительно равнодушен к бытовым мелочам и оттого нередко демонстрирую невежество в том, что кажется общеизвестным).

Словно в ответ на эту реплику, у столика неслышно возник кельнер.

— Будьте добры, принесите юноше континентальный завтрак, — не глядя на него, распорядился Алекс. — А мне пельницу, пожалуйста.

Раскурив трубку, он протянул мне старомодную флешку — на развалах в подземных переходах такие можно купить за пару евроцентов:

— Тут твои дипломные наработки, — сообщил он, отстраненно глядя на проходящий мимо прогулочный катерок, — и еще кое-какие дополнительные материалы. Новые. Ни в научных журналах, ни в Сети ты этого не найдешь. Прочитаешь и завтра к десяти явишься ко мне в лабораторию, ту, что в пригороде.

Олег Рой

Тебя будет ждать мой ассистент. Подпишешь соответствующие документы, получишь ключи и коды к экспериментальному оборудованию. Времени остается немного, так что тебе придется поторопиться.

Я замер от восторга: загородная лаборатория Алекса была для меня круче и желаннее, чем Мекка для правоверного мусульманина. В свое время мой учитель получил грант от корпорации Гарри Фишера — своего рода биотехнологической империи — для работы в области генной инженерии, и теперь его лаборатория мало чем уступала исследовательским центрам Байера или Гентеха, с которыми Фишер успешно конкурировал.

Вообще говоря, этот человек был своего рода легендой. «Легендой с привкусом крови», как писали особо саркастичные журналисты. В самом начале третьего тысячелетия юный (он тогда был примерно моего теперешнего возраста) Гарри переселился в Штаты, где начал с изготовления ортопедического оборудования. Потом к изготовлению добавилась разработка — Фишер ожесточенно (как говорят, не гнушаясь никакими средствами: ничего личного, просто бизнес) боролся за место под солнцем. При этом сам он не ученый, но перспективных ученых вместе с их исследованиями чует, что называется, с другой стороны земного шара — и переманивает к себе. И сейчас он не только общепризнанный монополист в производстве ортопедических товаров (от стелек против плоскостопия до киберпротезов рук, ног и даже глаз), но и успешно захватывает соседние области.

Даже вездесущие китайцы не могут потеснить его с рынка, а это говорит о многом.

В общем, как писал один русский баснописец, после слов Алекса у меня «от радости в зобу дыханье сперло». Но я справился и, сдержанно кивнув, спокойно (хотя чего мне это стоило!) произнес:

— Большое спасибо, учитель, — после чего занялся очень кстати появившейся передо мной яичницей с колбасками. Аппетит у меня, правда, пропал (не терпелось посмотреть, что за материалы на флешке), но еда — отличный способ скрыть волнение.

Алекс, ухмыльнувшись в усы, продолжал невозмутимо попытки своей трубкой. Кстати, если бы не усы, он был бы как две капли воды похож на версальскую статую Юлия Цезаря работы Никола Кусту — разумеется, без лаврового венка и в современной одежде. Я иногда думал, не затем ли учитель отпустил усы, чтобы скрыть это сходство? С него бы случилось. Ему неинтересно было быть похожим на великого правителя древности, его не устроило бы даже быть его современной копией, он мог быть только первым.

Мы молчали: я ел, не чувствуя вкуса, Алекс, напротив, откровенно наслаждался своей табачной отравой. Когда я расправился наконец с яичницей — даже остатки желтка подобрал кусочком хрустящей хлебной плетенки, учитель небрежно бросил на поднос мятую синюю купюру и, обращаясь, судя по направлению взгляда, к сидевшей на перилах толстой чайке-прошайке, резюмировал: